

Дом стоял у подножья пологого склона, в стороне от трамвайной линии.

Большинство участков здесь были окружены живой бамбуковой изгородью. Дом Ясуды, небольшой, аккуратный, одноэтажный, стоял в глубине сада и казался созданным для спокойного лечения больной. Вдали поблескивала синяя полоска моря.

Михара позвонил. В глубине, за дверью, слышалось жужжание звонка. Он начал часто дышать, сердце забилося. Визит будет трудным. Дверь открыла пожилая женщина, лет за пятьдесят.

- Я из Токио, Киити Михара. Знакомый Ясуды-сана. Сегодня был в ваших краях и вот зашел проведать оку-сан.

Выслушав, старуха с низким поклоном исчезла в глубине дома. Очень скоро вернулась и, снова кланяясь, сказала:

- Прошу вас, пройдите, пожалуйста.

Михару провели в большую комнату. Стекланные двери выходят на юг. В них льется поток света. В глубине, комнаты – тень. Недалеко от двери стояла сверкающая белизной постель.

Женщина лет тридцати двух – тридцати трех, приподнявшись на постели, ждала гостя. Старуха накинула ей на плечи черное, с алым рисунком хаори[8]. В этой одежде она выглядела очень изысканно. Светлая кожа, волосы собраны на затылке в легкий пучок, губы слегка подкрашены, на скорую руку, по случаю прихода гостя.

- Простите за внезапное вторжение, – сказал Михара. – Меня зовут Киити Михара, в Токио я имею счастье быть знакомым с Ясудой-саном. Конечно, это дерзость с моей стороны, но вот, с вашего позволения, зашел вас проведать.

Не мог же он протянуть ей свою визитную карточку с надписью "Департамент полиции"!

- Благодарю вас! О, мой муж, наверно, пользуется вашим покровительством, благодарю вас!

Жена Ясуды была красива. Большие глаза, тонко очерченный прямой нос. Щеки утратили полноту, но в общем болезнь не портила ее. Легкая бледность, чистый, высокий лоб, интеллектуальное лицо.

- Как вы себя чувствуете? – спросил Михара. Его вопрос был неискренним, и ему стало не по себе.

- Спасибо. Болезнь затяжная, поэтому я не надеюсь на внезапное выздоровление, – слегка улыбнулась женщина.

- Ну что вы! Теперь становится теплее, я думаю, это для вас полезно. Так приятно после нынешней холодной зимы.

- Здесь, – шурясь от солнца, сказала жена Ясуды, – зимой на три градуса теплее, чем в Токио. Хотя недавно были холода. Только вот за последнее время, слава богу, потеплело.

Она посмотрела на Михару снизу вверх. Красивые ясные глаза. По-видимому, она сама знала действие своего лучистого взгляда.

- Простите, пожалуйста, вы помогаете мужу в его делах?

- Да, что-то в этом роде... - Михара замялся. Он чувствовал себя скверно.

Придется потом как-то оправдываться перед Ясудой.

- О, наверное, он доставляет вам много хлопот...

- Ну что вы, наоборот! К сожалению, это я причиняю ему хлопоты. - Лоб Михары покрылся капельками пота. Он поспешил переменить тему разговора. - А Ясуда-сан часто вас навещает?

Больная ответила со спокойной улыбкой:

- Вы, наверное, знаете, что он очень занятой человек, но все же раз в неделю он обязательно приезжает ко мне. Все совпадало с тем, что говорил Ясуда.

- Ну, для делового человека хорошо, когда он занят, хотя вам, оку-сан, без него, конечно, трудно.

Разговаривая, Михара незаметно оглядывал комнату. Возле постели стопка книг. На самом верху литературный журнал. Какой-то переводной роман.

Названий не видно. Было немного странно, что больная читает серьезную, а не развлекательную литературу.

Старуха подала чай. Михара заторопился:

- Еще раз простите за внезапное вторжение. От души желаю вам скорейшего выздоровления.

Жена Ясуды быстро взглянула на Михару своими ясными глазами с чуть голубоватыми белками.

- Благодарю вас за любезность. Спасибо.

Когда он передал подарок, она немного приподнялась на постели и учтиво поклонилась. Только теперь Михара заметил, какие у нее худенькие плечи.

Старуха проводила его до парадного. Надевая туфли, Михара, как бы между прочим, спросил:

- А кто домашний врач госпожи?

- Доктор Хасэгава, директор больницы, что напротив Большого Будды[9], - с готовностью ответила служанка.

2

У Большого Будды Михара сошел с трамвая. Больницу Хасэгавы он нашел быстро. Михара подал свою визитную карточку.

Директор был полный человек с багровым лицом и аккуратно причесанными седыми волосами. Он положил на стол визитную карточку Михары и сел против него.

- Я хотел узнать, как протекает болезнь супруги Ясуды-сана.

Директор больницы снова пробежал глазами визитную карточку посетителя, потом взглянул на него:

- Ваш вопрос связан с делами государственной службы?
- Да, в некотором роде.
- Речь идет о так называемой тайне пациента?
- Нет, меня не интересует то, что обычно скрывается от посторонних.

Просто я хотел узнать, каково общее состояние больной.

Директор кивнул и приказал медсестре принести историю болезни жены Ясуды.

- Болезнь - туберкулез легких. Точнее - множественный очаговый туберкулез, очень затяжной и трудно поддающийся лечению процесс. Она страдает этим уже около трех лет, и, если говорить прямо, на полное выздоровление нет почти никаких надежд. Я предупредил об этом Ясуду-сана.

Поддерживаем ее постоянными инъекциями. Новые препараты.

- Следовательно, она все время проводит в постели?
- Вернее, то встанет, то опять ляжет.
- В таком состоянии она совсем не выходит из дому? - спросил Михара.
- Нет, на прогулки может выходить. У нее родственники в Югаваре[10]. Иногда она ездит туда с ночевкой. Отдыхает день или два. Это ей разрешено, ответил директор.
- И вы, доктор, каждый день бываете у нее с визитом?
- Нет, ведь при таком заболевании не характерны внезапные ухудшения. Я посещаю ее обычно по вторникам и пятницам. Иногда еще в воскресенье после обеда заглядываю.

Михара посмотрел на него с удивлением. Доктор понимающе улыбнулся.

- Видите ли, она любит литературу. Среди таких больных часто встречаются люди, пишущие стихи. Она больше увлекается прозой, много читает, кажется, сама пробует писать короткие вещи.

Михара слушал директора и вспоминал литературные журналы и переводные романы, которые видел в комнате больной.

- Откровенно говоря, я тоже иногда пописываю. Даже дружу с таким писателем, как Масао Кумэ. Сейчас в Камакуре живет много литераторов, но я поддерживаю знакомство только с метром Кумэ. В моем возрасте, знаете ли, уже стыдно лезть в литературу. Но ничего не могу поделать со своей склонностью.

Мы, старики любители, выпускаем здесь тоненький журнал с очерками, короткими стишками. Нужно же чем-нибудь заниматься в свободное время. Таким образом, наши вкусы совпадают, вот я иногда и заглядываю по воскресеньям к моей пациентке, чтобы поболтать о литературе. Она всегда бывает очень рада. Вот полгода назад дала мне свою рукопись - очерк для нашего журнала.

Директор сам увлекся разговором и предложил Михаре показать этот журнал.

Михара, разумеется, согласился.

Доктор принес тоненький, страниц в тридцать, журнал под названием "Нанрин". Посмотрев оглавление, Михара нашел очерк Реко Ясуда "Цифровой пейзаж". Он про себя отметил ее имя – Реко, раньше он не знал, как зовут женщину. Начал читать этот очерк со странным названием.

"Когда все время лежишь, часто возникает желание почитать. Но в последнее время романы и рассказы стали неинтересными. Я часто закрываю книгу, не прочитав и половины. Как-то раз меня навел муж. Потом он уехал, забыв расписание поездов. От скуки я его полистала. Для меня, лежащей больной, путешествия – вещь недоступная. Но я читала расписание с неожиданным интересом. С большим интересом, чем плохой роман. Муж часто ездит по делам, потому всегда и покупает расписание. Он хорошо изучил его в целях чисто практических, а для меня, прикованной к постели, оно имело совершенно особую привлекательность.

В расписании поездов даны названия всех станций Японии, и, пока я читаю их одно за другим, все станции проходят у меня перед глазами. Провинциальные железные дороги особенно помогают воображению. Тоецу, Сайкава, Сакияма, Юсубару, Магариканэ, Ита, Готодзи – это названия станций одной ветки в глуши Кюсю. А вот другая ветка, на северо-востоке Японии, – Синдзе, Масугата, Цуя, Фурукути, Такая, Каригава, Амарумэ. Я вижу деревушку, стиснутую горами, раскидистые южные деревья, на склонах – густой лес. Или Амарумэ... Маленький тоскливый северный городок, над крышами низкие серые тучи. Моему воображению представляются окрестные горы, долины, улицы городков и поселков, шагающие по ним люди. Помню, в "Цурэдзурэгуса" есть такая фраза: "Стоит мне услышать имя, и за ним сейчас же возникает образ его обладателя". И вот, когда мне бывает особенно тоскливо, я открываю расписание, и дурное настроение сейчас же проходит. Я отправляюсь в путешествие туда, куда мне захочется, – на Тюгоку, Сикоку или на север.

Как хорошо фантазировать! Я смотрю на свои часы: полдень уже прошел, стрелки показывают час тридцать шесть минут. Листаю расписание и ищу это время – час тридцать шесть минут. Ага, вот – на станцию Сэкия линии Этиго только что прибыл поезд № 122. А на станции Акунэ Кагосимского направления пассажиры покинут вагоны в час тридцать девять минут. А в Хиданомия пришел поезд № 915. В это время поезда останавливаются и на других станциях:

Фудзю линии Сане, Икуда линии Синею, Кусано линии Токива, Китаносиро линии Гоно, Водзи основной линии Кансай.

Я лежу в постели и смотрю на свои тонкие пальцы, а по всей стране бегут поезда и одновременно останавливаются на разных станциях. Самые различные люди, шагая по своему жизненному пути, входят в вагоны и выходят из вагонов.

А поезда идут во всех направлениях и иногда встречаются на какой-нибудь станции. И я уже знаю, где и когда они встретятся. Мне становится весело.

Встреча поездов... Она неизбежна, она predetermined заранее, эта встреча во времени. А встреча людей, едущих в них, встреча в пространстве, – чистая случайность. И я фантазирую и вижу, как по всей земле в это мгновение сталкиваются миллионы человеческих жизней. Я могу по-своему представлять эти жизни – ведь они не втиснуты ни в какие рамки. И эта моя фантазия гораздо увлекательнее, чем романы, созданные чужим воображением. Одинокая, зыбкая, как во сне, радость.

Расписание поездов, страницы, испещренные бесконечными цифрами... Сейчас это мое самое

любимое чтение".

– Любопытная вещица? – спросил директор, увидев, что Михара кончил чтение. Когда он улыбался, его глаза делались узкими, как щелочки. – Ведь все время в постели, очевидно, поэтому ей и приходят в голову такие мысли.

– Да, наверное, – Михара вернул журнал директору. Он говорил безучастным тоном, словно забыв о существовании собеседника. Нет, его взволновала не фантазия прикованной к постели Реко Ясуда. Он мысленно повторял одну фразу:

"Муж часто ездит по делам, потому всегда и покупает расписание, он хорошо изучил его..."

3

В департамент полиции Михара вернулся часов в восемь вечера. Инспектор Касаи уже ушел домой.

На столе под чернильницей лежала телеграмма. "Как быстро пришла", подумал Михара и развернул бланк. Это был ответ на его запрос из управления полиции Саппоро.

"СЛУЖАЩИЙ ФУТАБА-СЕКАЙ КАВАНИСИ ВСТРЕЧАЛ 21 ЯНВАРЯ ВОКЗАЛЕ САППОРО ЯСУДУ ТЧК 22 И 23 ЯСУДА ЖИЛ ГОСТИНИЦЕ МАРУСО".

Михара был готов к тому, что ответ будет примерно такой, но все-таки он почувствовал что-то похожее на отчаяние. Опустился на стул.

Все, что говорил Ясуда, подтвердилось. Михара достал сигареты и закурил.

В комнате никого не было. Можно спокойно подумать.

Да, он ждал именно такой телеграммы. Ясуда не стал бы лгать, не такой он дурак. Значит, 21-го он действительно прибыл на Хоккайдо. А 20-го вечером Саяма и О-Токи покончили самоубийством, и 21 утром обнаружили их трупы. Это было в то время, когда Ясуда находился в экспрессе "Товада", мчавшемся на Хоккайдо. Иначе служащий "Футаба-секай" не мог бы встретить его на вокзале в Саппоро.

Но эти четыре минуты и очевидцы на Токийском вокзале не выходили из головы. Нет сомнений, что Ясуда все подстроил. Зачем ему это было нужно, пока Михара не знает. Но именно потому, что он этого не знает, он и пытается связать Ясуду с О-Токи и Саямой, Хоккайдо с Кюсю. Да нет, ерунда получается, просто у него навязчивая идея. Ведь в действительности Ясуда был в стороне, совершенно противоположной Кюсю. Он отправился не на запад, а на север.

А впрочем, не подозрительно ли то, что он отправился в противоположную сторону?..

Михара закурил третью сигарету. Казалось, было что-то нарочитое в том, что Ясуда отправился в противоположном направлении. Здесь тоже был элемент преднамеренности, как и в четырех минутах.

Михара подумал немного и вытащил дело о самоубийстве Саямы и О-Токи.

Материалы, которые ему любезно дал сыщик Торигаи из управления полиции Фукуоки. Вспомнились его впалые щеки и сеть морщинок в уголках глаз.

В заключении судебно-медицинской экспертизы говорилось, что время самоубийства Саямы и О-Токи – они приняли цианистый калий – определяется между десятью и одиннадцатью часами вечера 20 января.

В отделе было расписание поездов. Михара взял его и начал листать. Во время самоубийства экспресс "Товада", выйдя на линию Токива и миновав знаменитые исторические места Накосо и Тайра, мчался примерно в районе Хисанохамы и Хироно. А 21 января около половины шестого утра, когда были обнаружены трупы, "Товада" только что отошел от станции Итиноэ-эки в префектуре Иватэ. И если Ясуда находился в этом поезде, далеко от Касийского взморья на Кюсю, он был в другом времени и пространстве.

Михара вдруг подумал, что, читая расписание, он мыслит теми же образами, что и жена Ясуды, и усмехнулся.

Эта женщина пишет, что ее муж всегда пользуется расписанием, значит хорошо изучил его. Все-таки что-то здесь кроется. Может быть алиби, состряпанное при помощи расписания поездов?.. Хотя при чем тут алиби? Ведь Ясуда сам сказал, что в это время его не было в Токио. Тогда, значит, алиби в отношении Кюсю.

Михара перечитал телеграмму, покрутил ее в руках. Ее содержание не вызывает сомнений. Все было именно так. Но почему же у него такое ощущение, словно он с улицы смотрит на фасад здания и чувствует, но никак не может уловить, в чем же погрешность архитектора?

На Хоккайдо съездить, что ли?..

Чтобы обнаружить дефект в здании, надо тщательно простучать все стены. И Михара решил сделать это сам и послушать, какой будет звук.

На следующий день, как только инспектор Касаи появился в отделе, Михара уже стоял перед его столом.

- Вот получил телеграмму из Саппоро. Касаи прочитал и взглянул на Михару:

- Значит, слова Ясуды подтвердились...

- Да.

- Присаживайся, – сказал Касаи; по виду Михары он почувствовал, что тому не терпится побеседовать.

- Я вчера ездил в Камакуру; когда вернулся, вас уже не было.

- Знаю, как же! Видел твою записку.

- Поехал посмотреть на жену Ясуды. Точнее, проверить его слова.

Действительно, у нее туберкулез легких, она лежит в постели.

- Следовательно, все, что говорит Ясуда, достоверно?

- Пожалуй, так. Но вот есть одна любопытная вещь. И Михара рассказал ему об очерке Реко Ясуда и о той фразе, где говорится, что Ясуда хорошо изучил расписание поездов.

- Действительно, любопытно, – инспектор сплел пальцы, – пожалуй, есть какая-то связь между

этой фразой и четырьмя минутами на Токийском вокзале.

- Мне тоже так кажется, - Михара оживился. - Ведь если Ясуда, воспользовавшись этими четырьмя минутами, "создал очевидцев", то невольно возникает мысль, что он сыграл какую-то роль в этом самоубийстве. Какую пока не знаю. Но чутье подсказывает, что тут не все чисто.

- Правильно! - Инспектор был того же мнения.

- Мне хотелось бы срочно поехать на Хоккайдо. Просто в голове не укладывается, что в день самоубийства Ясуда был в пути на Хоккайдо! Конечно, телеграмма из Саппоро не вызывает сомнений, но мне кажется, что за всем этим кроется какая-то комбинация. Если ее раскрыть, станет понятным, зачем понадобились Ясуде очевидцы отъезда Саямы и О-Токи.

Инспектор ответил не сразу. Он о чем-то думал, отведя в сторону глаза.

- Ну что ж... Попробуй. Коли уж начали, надо довести до конца. А начальника отдела я беру на себя, уговорю как-нибудь...

Последняя фраза прозвучала странно. Михара внимательно посмотрел на инспектора.

- Разве начальник отдела против этого расследования?

- Не то чтобы против... - замялся Касаи, - но высказался, что бессмысленно расследовать дело, когда совершенно очевидно, что здесь случай самоубийства. Ну, да ты не беспокойся, я его уговорю! - закончил он с улыбкой, словно успокаивая Михару.

<http://tl.rulate.ru/book/2217/42550>